

Дмитрий РУМЯНЦЕВ

*
Любой старик – буддист. И силой бытия
развеществляется. Он изгнан, он изъят
из обращения жизни. Он – изъян,
и видит мельтешение пустое
в привычном круге призрачных вещей.
Круговорот рождений и смертей.

Так, словно в теле появилась щель,
он чувствует прореху. Слои за слоями,

как с дерева отжившая кора,
с него не в раз сползает кожура
привычек. Золотая мошкара
не для него теперь. Меж тем и этим
запутавшись, любя и разлюбя
свою судьбу, он смотрит вглубь себя
и видит реку времени, но рябь
пустило по воде дыханье смерти.

Всё чуждо отходящему уму.
И побеждает воля к Ничему,
к отсутствию, к зиянию. Потому
дурная, отрицательная вечность
его уже не может напугать...
В природе та же смерть. Дорога. Гать.
...И продолжает вкрадчиво играть
на полом тростнике вечерний ветер.

*
И мотылек, которому я снюсь,
и мотылек, который снится мне –
одна и та же солнечная грусть,
развеянная ветром по весне.

Я выбрал это из всех времён,
но кажется, что я ещё не жил:
мне новы звуки всех земных имён,
но так знаком тревожный шорох крыл.

От сумерек брусничного листа
до самых дальних, самых ярких звёзд
вся жизнь моя в пространство пролита,
и всё оно во мне переплелось.

И если я чего-нибудь боюсь,
то взмаха крыльев в сонной тишине.
Но ласков Бог, которому я снюсь,
и светел Бог, который снится мне.

*
Порхает синица: опустится, в небо уйдёт.
И где помещается воля? Крыло, оперенье,
немного тепла – вот и всё. Но какое терпенье!
И сколько труда прилагает небесный народ:
здесь – пекло, там – холод, порывистый
ветер и град.
Нельзя зазеваться, нельзя оглянуться назад.
Нерайская птичка, чуть вправо, чуть влево – и ад!

Здесь – пропасть, там – пасть. Но откуда
берётся тогда
свечение ровного пламени в каждой пичуге?
Ведь это они, залетев во дворцы и лачуги,
твердили о том, что Небесные есть Города.
Откроется звёздная бездна. И будет незрим,
другим измерением задан, Иерусалим.
Но теплится свечка-синичка в горячей ладони.
Рябиновый куст разгорается, неопалим.

*
Вольфрамовый паук, плетущий в лампе сеть.
Ночному мотыльку опять не улететь?

Пока он бьётся здесь, я в мире не один.
Как трётся о стекло крылатый Аладдин!

Загадываю жизнь, загадываю свет,
догадываясь ли, что это солнце – смерть?

Что льнёт во тьму, из тьмы пытаюсь убежать?
Мне не достанет слов, чтоб это оправдать...

Я выключил ночник, я сердцем вижу, как
он движется на свет, хотя повсюду мрак.

Графика Татьяны Николаевны (фрагмент)